

ПУШКИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОЭМЕ ЕСЕНИНА «АННА СНЕГИНА»

Проблема «Пушкин и Есенин» неоднократно была предметом внимания исследователей.¹ Однако разговор о пушкинском начале в «Анне Снегиной» представлялся им маловероятным. Поэтому до начала 80-х годов в есениноведении об этом существовали только робкие предположения. Например, С. Кошечкин видел близость начал поэмы Есенина и романа «Евгений Онегин» Пушкина.² М. Орешкина в статье «Имена персонажей поэмы С. Есенина «Анна Снегина» отмечала: «Останавливает наше внимание и близость звукового облика названий двух поэм Есенина и Пушкина — «Анна Снегина» и «Евгений Онегин».³ И это все.

В 1983 году появилась первая работа, поставившая вопрос о роли пушкинской традиции в «Анне Снегиной»: статья В. Н. Гурбина «Онегин и Снегина. К проблеме традиций в поэзии».⁴ В. Н. Турбин отталкивается от предположений М. Орешкиной (это видно и по названию его статьи) и говорит, что «Анна Снегина» сопоставима с романом Пушкина по «многим параметрам». Пушкинская традиция в поэме «живет, пульсирует, неузнаваемо преобразуется, таится, но

¹ Жаворонков А. З. С. А. Есенин и А. С. Пушкин. — В кн.: Уч. зап. Новгородского пединститута. Новгород, 1963, т. 9, с. 37—55; Харчевников В. И. О пушкинской и лермонтовской традициях в поэтическом стиле Сергея Есенина. — В кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971, с. 292—300; Городецкий Б. П. Традиции Пушкина и русская советская поэзия. — В кн.: Русская советская поэзия. Традиции и новаторство. Л., 1972, с. 77; Прокушев Ю. Л. Подвиг Пушкина. М., 1974, с. 43—61; Цыбин В. Пушкинское в Есенине. — Москва, 1975, № 10, с. 172—177.

² Кошечкин С. Сергей Есенин: Раздумья о поэте. М., 1974, с. 177.

³ Русская речь, 1974, № 2, с. 39.

⁴ Октябрь, 1983, № 4, с. 187—192.

вдруг обнаруживает себя в случайных или преднамеренных совпадениях...».⁵ Задачей данной работы и является сопоставление двух текстов — поэмы Есенина и романа Пушкина — в плане преемственности традиций.

Уважительное отношение Есенина к Пушкину общеизвестно. Он помнил и знал наизусть многое из пушкинского наследия.⁶ «Пушкин — самый любимый мною поэт. С каждым годом я воспринимаю его все больше и больше как гения страны, в которой я живу» — записал поэт в анкете о Пушкине в 1924 году.⁷ В автобиографии «О себе» (октябрь 1925 года) Есенин вновь скажет: «В смысле формального развития теперь меня тянет всё ближе к Пушкину».⁸ «Пушкина Есенин боготворил», — вспоминает и Вс. Родественский. И далее он пишет: «Судя по словам Есенина, ему очень хотелось написать поэму, в которой показать Пушкина среди простого народа — среди крестьян, слепцов, странников — на ярмарке».⁹ Известно, как любил Есенин подражать Пушкину в манерах и одежде.¹⁰ Любопытен и другой факт: 6 июня 1924 года Есенин публично прочитал свое стихотворение «Пушкину» на юбилее великого поэта:

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с тобой.
Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган (1, с. 229).

---

⁵ Там же, с. 191.

⁶ Устинов Г. Мои воспоминания об Есенине. — В кн.: Сергей Александрович Есенин: Воспоминания. М.; Л., 1926, с. 152.

⁷ Есенин С. Отчее слово. М., 1968, с. 33.

⁸ Есенин С. Собр. соч.: В 6-ти т. М., 1979, т. 5, с. 231. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

⁹ Есенин С. Отчее слово, с. 34—35.

¹⁰ Иван Грузинов вспоминает: «Идем по Тверской. Есенин в пушкинском испанском плаще, в цилиндре. Играет в Пушкина. Немного смешон. Но в данную минуту он забыл об игре. Непрерывно разговариваем. Вполголоса: о славе, о Пушкине... На прощание целуем друг у друга руки: играем в Пушкина и Баратынского» (Сергей Александрович Есенин. Воспоминания, с. 132).

Здесь нельзя не заметить некоторого уподобления Пушкина Есенину («Блондинистый, почти белесый...», «повеса — хулиган»), и это важно учесть при рассмотрении поэмы «Анна Снегина». Поэма о Пушкине не была написана Есениным, но зато появилась другая и тоже о поэте среди народа, ищущего ответы на вечные и злободневные вопросы бытия.

«Анна Снегина» — антипод «Евгения Онегина».¹¹ Фабула поэмы Есенина переосмыслена: не любовь дворянина к дворянке, а любовь крестьянского парня, поэта-интеллигента, к помещицкой дочери. И разделяет героев не эгоизм чувств, а социальные противоречия, обострившиеся в межреволюционный период. Подобным образом происходит размежевание героев Есенина и Пушкина.¹²

Оба произведения начинаются монологами. Начало «Евгения Онегина» — «Мой дядя самых честных правил...» — является внутренним монологом центрального героя, который летел «в пыли на почтовых» в деревню к умирающему дяде. «Село, значит, наше Радово...»¹³ — рассказ возницы, который подвозит к мельнику случайного попутчика. Монолог Онегина — это проникновение в быт и во взаимоотношения дворян первой половины XIX века. Монолог возницы — это введение в социально-историческую обстановку крестьянской России начала XX века в переломные революционные годы. С этим миром и бытом связан есенинский герой: он родился в русской деревне, был воспитан ею, и сейчас он остроенно всматривается (и вслушивается) в те события, которые расслоили некогда единую для него деревенскую Русь. Но рассказ возницы является введением не только в эпические события поэмы: по мере приближения к «радовским предместьям» герой все больше погружается в прошлое —

---

¹¹ Есенин, естественно, не афишировал близость своей поэмы роману Пушкина, даже наоборот — старался скрыть ее. Так, на замечание Н. Н. Никитина о недоработке образов Оглоблина и Бориса (мужа Анны) он недовольно ответил: «Евгения Онегина хочешь?» (Воспоминания о Сергее Есенине. М., 1965, с. 478).

¹² В. Н. Турбин считает, что социальные вопросы являются главными в диалоге Есенина с Пушкиным. Поэма Есенина «пронизана идеей возмездия», и, в общем итоге, на страницах есенинского произведения «Онегин-крестьянин одолел, победил Онегина-дворянина» (Указ. соч., с. 187, 189).

¹³ В. Турбин считает, что есенинское село Радово произошло от поместья Ненарадово из повести Пушкина «Метель» (Указ. соч., с. 189).

в деревенскую юность, связанную с его первой любовью. Этот мотив окончательно утвердится в конце первой главы, дав толчок развитию лирической коллизии поэмы.

Пушкин, знакомя читателей с Онегиным, предостерегает их от поспешных выводов:

Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет. . (VI, 28—29).

В I главе романа Пушкин «рад заметить разность» между собой и Онегиным. Есенин же, наоборот, делает своего героя явно автобиографичным. Он дает ему свое имя, происхождение, писательскую славу, наделяет его некоторыми фактами собственной биографии (участие в первой мировой войне, дезертирство, авторство «Москвы кабацкой»). Но начальная ситуация обоих произведений (поездка в деревню) одинакова: герои думали таким образом спастись от гнетущего состояния. Онегин — «очень рад, что прежний путь Переменял на что-нибудь» (VI, 27). Герой поэмы Есенина «в радовские предместья Ехал тогда отдохнуть» — «Война мне всю душу изъела» (3, с. 50).

Пушкин дает развернутую характеристику своего героя, подробно описывая быт, среду, воспитание, прошлое и настоящее Онегина. У Есенина же все отсылки к прошлому героя даны отрывочно («По-старому с шубой овчинной Иду я на свой сеновал...», «Когда-то у той вон калитки Мне было шестнадцать лет...» (3, с. 53), «Три года Не зрел я знакомых крыш...» (3, с. 57) и т. д.), зато настоящее развернуто. «Война мне всю душу изъела» — это отправная точка раздумий героя о мире и человеке, о своей гражданской позиции в «суровые, грозные годы».

У героев Есенина и Пушкина есть и точки соприкосновения. Их обоих не привлекала военная служба. У Пушкина Онегин «разлюбил < . . . > наконец, И брань, и саблю, и свинец» (VI, 21). У Есенина: «Я бросил мою винтовку...» (3, с. 50). Оба героя искали перемены (отдыха) в деревне и обоих постигло разочарование.

Герой Есенина едет в деревню, чтобы спастись от кошмаров войны. Страстный пацифистский вызов звучит в его внут-

реннем монологе: «Нет, нет! Не пойду навеки!» (3, с. 54). Однако вслед за своим монологом он слышит слова мельничихи: «У нас здесь теперь беспокойно. Испариной все зацвело. Сплошные мужицкие войны...» (3, с. 54). Поистине из огня да в полымя попадает герой Есенина. И здесь уж не до отдыха. Так рождается мотив тоски и неудовлетворенности, который отчетливо утвердится после неудачного вмешательства героя в спор о земле между безземельными криушанами и помещицей Снегиной. Не случайно герой боялся встречи с Анной; после слов мельника, сообщившего ему, что Анна в имении и ждет его, он демонстративно отказывается от своего прошлого.

Ничто не пробилось мне в душу,
Ничто не смутило меня.
Струилися запахи сладко,
И в мыслях был пьяный туман...
Теперь бы с красивой солдаткой
Завесть хорошо роман (3, с. 56—57).

Ср. в «Евгении Онегине»:

Прогулки, чтенье, сон глубокой,
Лесная тень, журчанье струй,
Порой белянки черноокой
Младой и свежий поцалуй... (VI, 89).

Пушкин подчеркивает, что после встречи с Татьяной «Онегин жил анхоретом» (VI, 88). Герой Есенина тоже после резкого и неприятного разговора с Анной («Вы — жалкий и низкий трусишка»; 3, с. 64) стремится ни с кем не встречаться.

Все лето провел я в охоте.
Забыл ее имя и лик.
Обиду мою
На болоте
Оплакал рыдальщик-кулик (3, с. 65).

Вслед за этим Есенин дает пейзажную зарисовку лета и осени, которая выполняет различные функции, в том числе выражает быстротечность времени. Подобное «ускорение» времени через изображение пейзажа Есенин мог позаимствовать у Пушкина (см., например, изображение лета, осени, зимы в

IV главе «Евгения Онегина»). В есенинском пейзаже можно заметить и явную пушкинскую реминисценцию:

Бедна наша родина кроткая
В древесную цветень и сочь,
И лето такое короткое,
Как майская теплая ночь
(«Анна Снегина»; 3, с. 65).

Но наше северное лето,
Карриатура южных зим,
Мелькнет и нет...
(«Евгений Онегин»; VI, 89).¹⁴

Онегин едет в имение к дяде. Герой Есенина — к мельнику. Казалось бы, в этом плане между ними ничего общего нет. Но в сюжетном аспекте их отношение к окружающему, их позиции одинаковы. Онегин в деревне — «один среди своих владений». Хотя «ярем он барщины старинной Оброком легким заменил» (VI, 32), это еще не говорит о понимании им участи народа и о сближении с ним. С другой стороны, — дворяне-соседи «в голос все решили так, Что он опаснейший чужак» и «дружбу прекратили с ним» (VI, 32—33).

Герой поэмы Есенина тоже находится в некотором среднем положении, правда, обе стороны видели в нем своего единомышленника. Он «старый знакомый и гость» криушан. «Придите. Вы самый близкий», — пишет ему деревенский бунтарь Прон Оглоблин (с. 62). Что же касается Анны, то у нее с героем поэмы было общее прошлое — юношеская любовь, которая, как это явствует из последнего диалога Анны и Сергея и из лондонского письма Анны, продолжается и в настоящем.

В сюжете поэмы Есенина позиция героя несколько сближена с позицией мельника, который тоже свой и у Снегиных и у криушан. Мельник приносит записки и вести Сергею от Прона и от Анны. Эта его «деятельность» вызывает ироническое отношение у героя поэмы:

Ох, этот мельник!
С ума меня сводит он.
Устроил волынку, бездельник,
И бегаёт как почтальон (3, с. 62).

¹⁴ Таких пушкинских деталей, по наблюдениям В. Н. Турбина, в поэме Есенина много. (Указ. соч., с. 191).

Однако, не будь мельника, развитие лирической линии в сюжете поэмы вряд ли состоялось бы. Мельник постоянно возобновляет прерывающиеся отношения Сергея и Анны («Мой мельник с ума, знать, спятил. Поехал, Кого-то привез...»; 3, с. 60, — в третьей главе. «Мой старый мельник Хозяек привез к себе, Заставил меня, бездельник, В чужой ковыряться судьбе»; 3, с. 67, — в четвертой главе). Аналогичную функцию (как связующее звено между Татьяной и Онегиным) выполняет в романе Пушкина старая няня Лариных. Оба героя (Есенина и Пушкина) встречаются в деревне со своей любовью, Онегин — с будущей, героиней Есенина — с прошедшей.

У героинь Есенина и Пушкина тоже много общего. Пушкин выбирает для своей героини имя «приятное» и «звучное» («С ним, я знаю, неразлучно Воспоминанье старины»; VI, 42). Есенин называет свою героиню Анной, явно ориентируясь, как отмечает М. Орешкина, на классическую традицию в русской литературе: значение имени Анна («благодать» в церковной традиции) — «грация, миловидность», а «ассоциации, вызванные фамилией героини, неразрывны с миром природы».¹⁵ И не случайно воспоминанию о ней предшествует картина цветущего весеннего сада.

Подобный же композиционный прием характерен и для образа Татьяны. «Героиня окружена цветами, луной, тенями, — вообще природой», — пишет М. А. Рыбникова.¹⁶ Например:

Она любила на балконе
Предупреждать зари восход,
Когда на бледном небосклоне
Звезд исчезает хоровод. (VI, 43).

Как видим, в романе Пушкина и поэме Есенина много образно-тематических совпадений, которые не могли быть случайными. Для большей доказательности проанализируем опорно-сюжетные ситуации, важные для обоих произведений.

В «Евгении Онегине» подробно изображены два свидания Онегина с Татьяной, причем содержание обеих сцен противоположно. Подобным образом изображаются две встречи героя с Анной и в поэме Есенина.

¹⁵ Русская речь, 1974, № 2, с. 38

¹⁶ Рыбникова М. А. Книга о языке Очерки по изучению русского языка и стилистические упражнения М., 1926, с. 240.

Во время второго свидания Онегина с Татьяной в восьмой главе романа «вместе несколько минут Они сидят. Слова нейдут Из уст Онегина...» (V, 175). А вот первое свидание Сергея с повзрослевшей Анной:

Я слушал ее и невольно
Оглядывал стройный лик
Хотелось сказать:
«Довольно!
Найдемте другой язык!»
Но почему-то, не знаю,
Смущенно сказал невпопад
«Да .. Да ..
Я сейчас вспоминаю . .
Садитесь.
Я очень рад » (3, с 61).

Анна по возрасту старше Татьяны. И ко времени встречи с Сергеем она замужем. Ее слова «Я важная дама стала» (3, с. 60), несмотря на шутовскую, соответствуют истине. Но не случайно облик повзрослевшей Анны не вяжется с романтическим образом «девушки в белой накидке» (3, с. 73) в сознании героя («Я видел лишь белое платье Да чей-то привздернутый нос»; 3, с. 60): для него прошлое несоединимо с настоящим. Внешнюю (портретную) сторону воспринимает и Онегин, встретив Татьяну на великосветском балу:

Как изменилася Татьяна!
< . . . . . >
Кто б смел искать девчонки нежной
В сей величавой, в сей небрежной
Законодательнице зал? (VI, 177—178).

Речь Анны при первом свидании несколько легкомысленна и кокетлива, но это следствие растерянности от встречи с любимым человеком. Однако признание в любви произойдет не сейчас и слишком поздно для обоих. В ту первую встречу осталась «загадка движений и глаз», и герой неожиданно для себя отметит: «По-странному был я полон Наплывом шестнадцати лет» (3, с. 62). Эту же растерянность испытывает и Онегин:

Что с ним? в каком он странном сне!
Что шевельнулось в глубине

Души холодной и ленивой?
Досада? суетность? иль вновь
Забота юности — любовь? (VI, 174—175)

И, наконец, сцены объяснения в любви и у Пушкина и у Есенина почти совпадают:

«Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна»
(«Евгений Онегин»; VI, 188)

«Простите . Была не права...
Я мужа безумно любила.
Как вспомню... болит голова...
Но вас
Оскорбила случайно
Жестокость была мой суд
Была в том печальная тайна,
Что страстью преступной зовут»
(«Анна Снегина»; 3, с 68).

Таким образом, можно отметить, что традиция пушкинского романа запечатлена в поэме Есенина на разных уровнях: в фабульно-сюжетном плане и в макро- и микрообраззах. Она то прямо обозначена Есениным, то скрыта в реминисценциях, аллюзиях, переосмысленных цитатах.

Поэма Есенина находится в диалогическом отношении к роману Пушкина. Контекст «Евгения Онегина» весьма важен для есенинской поэмы не только как ориентир высокого искусства, но и как источник многих исторических коллизий, которые диалектически проявятся в годы революционного перелома. Однако Есенин не столько спорит с Пушкиным, сколько обращается к нему как к союзнику, постигшему тайну красоты духовного мира людей. «Как прекрасна Земля И на ней человек» (3, с. 54), — вслед за Пушкиным провозглашает и Есенин.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЛАТВИЙСКОЙ ССР

ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ПЕТРА СТУЧКИ

Кафедра русской литературы

ПУШКИН И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сборник научных трудов

ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. П. СТУЧКИ

РИГА 1986